

Будем, по Апостолу, каждый час размышлять о смерти и помнить, что мы умираем каждый день. Встав с утра, положим на ум, что не доживем до вечера, а потом вечером снова помыслим, что назавтра не проснемся... не будем собирать себе сокровища или желать чего-либо, каждый час ожидая смерти.
Из жития прп. Антония Великого

Так мыслят монахи самого высокого ранга. Великий Антоний, такой далекий от нас по времени жития. Послушай его и живи тихо, ожидая...

В молодости я к свято-отеческой литературе обращался. Читал с упоением, но вдруг, в какой-то момент, откладывал. И надолго, потому что сильно начинал ощущать глубокое несоответствие их жизни и нашего времени и представлений. Их жизни – это другая «планета», которая оставила людям огромное духовное достояние. Без него жизнь наша земная была бы неполноценной. Пушкин не написал бы «Пророка», Лермонтов «Молитву», а Достоевский «Преступление и наказание»... В какой-то момент свет другой планеты становится остро необходим. Находишь «Луч духовный», «Лавсаик» или что-либо из «Добролюбия» (такой литературы много) и начинаешь чуть-чуть оживать душой.

В этот раз в полузабытом житии Антония Великого мне неожиданно и удивительно попало повествование, которое я или не читал вовсе, или забыл напрочь, так что прочитал как впервые. Невероятное и неправдоподобное.

Было преподобному девяносто лет, и он часто, размышляя про себя, говорил: «Есть ли другой какой монах в этой пустыне?» Однажды ночью, когда он так размышлял, к нему пришёл Ангел Господень и сказал: «Ступай быстрее, Антоний, во внутреннюю пустыню и найдёшь авву Павла, который добродетельнее тебя, и получишь от него великую пользу». Антоний не медля, презрев болезнь, старость, дальность пути и прочие препоны, как только рассвело, тронулся в путь. Целый день, жестоко опаляемый солнцем, он, забыв о трудностях, надеялся, что Го-

сподь в совершенно безлюдной пустыне как-то покажет ему путь. И вот, «идя по дороге, он увидел некое животное, которое у поэтов называется кентавром: от головы до пояса человек, а от пояса до низа конь». Мы, изучая в художественном училище историю искусств, считали это стопроцентным мифом. Антоний же, «ничуть не смугтившись от этого необычного зрелища, но сотворив знамение Честного Креста, спросил его: «Скажи мне, где живёт раб Божий Павел?» Кентавр показал ему дорогу правой рукой, одновременно объясняя сбивчивым и нечленораздельным голосом, куда идти. Изумившись, преподобный пошёл указанным путём».

И еще преподобный увидел странное зрелище: «маленького человечка, как обезьяну, у которого на голове были рожки, а ноги – как у козы. Поэты называют таких сатирами. Увидев сатира, святой удивился и спросил, кто он такой. И тот отвечал: «Я смертный человек и обитаю в этой пустыне, называюсь сатиром, одним из тех, кому обольщенные элины безумно поклоняются, как богам. Я пришёл к тебе, чтобы от имени всего нашего народа попросить помолиться о нас общему Владыке. Ибо мы знаем, что для спасения и преобразования мира Он с Небес сошёл на землю». Удивляясь этому и радуясь о славе Христовой, блаженный Антоний двинулся в путь. Ударив по земле своим посохом, он сказал: «Горе тебе, Александрия, ты, которая вместо Истинного Своего Владыки и Творца поклоняешься смертным творениям. Горе тебе, блудница, какой ответ ты дашь в час суда? Ибо и звери, которых ты почитаешь, исповедуют Христа Истинным Богом, а ты, безумная, несмысленно поклоняешься тварям» (Преподобный Симеон Метафраст, «Книга, называемая «Раем», ООО «Ронда», 2006).

«Пусть никто не подумает, что мы передаем басни и ложь, но знайте, что во времена Константина Великого ему в Александрию привели животное, подобное тому, о котором мы рассказали. И все горожане видели это странное существо. После того как оно умерло, его обработали смирной и хранили затем много лет» (там же, стр.559).

«Очевидное-невероятное», – воскликнул бы Капица, известный ученый и ведущий одноименной программы на советском телевидении. Не знаю, как бы он преподнес очевидность, но я привел это большое извлечение из труда преподобного Симеона Метафраста по другой причине. Мне представляется некое сходство с сегодняшними «очевидностями и невероятностями», которые можно напомнить и ужаснуться. Но сначала я позволю себе оговорку-оправдание по поводу таких вот извлечений, читая которые нетрудно прийти к мысли: и чего он нам тут повыписывал, мы могли бы это всё и сами в житии прочесть. Всякий имеет право так рассуждать, но...

Недавно мне пришлось как бы невольно объясниться с одним близким человеком. Он спросил у меня книгу «Канты», которую мы издали в память о почившем брате, но ни одного экземпляра у меня не нашлось. Я ему говорю: «Скоро могу подарить тебе небольшой сборник, а «Канты» кончились».

– Ты что новую книгу написал?

– Нет, – говорю, – книг я не пишу и писателем себя не считаю. Скорее я их составляю. Готовясь к проповеди, часто начинаешь с эпитафии авторитетного автора, или апостола, или богослова, и потом свое размышление. Мне такой труд нравится. Если читатель увидит в этом мою ущербность или грех тщеславия, я не обижусь, а попрошу помолиться.

Такое вот отступление. Но что же я хотел сказать в заключение? Какое мы увидели сходство?

Пятого июля 2021 года в Грузии, в Тбилиси, предполагалась быть сходка – парад гомосексуалистов. Не состоялась. Патриарх Илия II, 90-летний старец, благословил противостояние. Народ вышел на площадь со священниками во главе и дал достойный отпор нынешним «кентаврам» (до пояса с видом человека), намеревавшимся бесстыдно демонстриро-

вать мерзость своего поведения. Дали отпор... Оказывается Патриарх Илия II еще в 2013 году призывал свой народ отстаивать христианские нормы, элементарную человеческую нравственность. Прошло 8 лет, а «новых кентавров» не только не убавилось, а они еще и в наглости своей продолжают утверждаться.

Много чего происходит с нами в жизни таинственного-непонятого. Мы читаем в утренней молитве: «Тя благословим, вышний Боже и Господи милости, творящего присно с нами великая же и неизследованная, славная же и ужасная, их же несть числа...». Так было и так будет, нам же надо утверждаться в стоянии за Правду Христову, молясь, укрепляя веру.

ЗА ЧТО ЕГО ЛЮБИТЬ...

Исповедальные замечания

«Не живи, как хочется, а живи, как Бог велит». Есть такая поговорка. Мы ее понимаем? Думается, далеко не всегда. А Бог как велит? Очень просто: «Возлюби Господа Бога твоего... и ближнего, как самого себя». А кто ближний? Тот, который сегодня рядом, и он вдруг нуждается в твоей помощи. Нуждается, а ты ему отказываешь – находишь будто бы оправдывающую причину и отказываешь. Заповедь Христа пошла на-смарку. Христианин (христианка) не состоялся, совершен нехристианский поступок. Надо каяться и не повторять.

Бывает, на исповеди мы умничаем – о высоких материях говорим. О благодати Святого Духа, о стяжании мира, а на деле можем сделать жест рукой – не подходите, вы меня можете заразить. И не постороннему или малознакомому, а близкому человеку, из общины. И как мы можем соотнести к себе слова Христа: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов» (Гал.6:2.) или «душу положить за други своя»? Какову душу? Выходит, что можем: стакан воды не подадим и на порог не пустим. Свое поведение свалим на пандемию.

В сущности, что же происходит? Внедряется в ум и в сердце наше животный страх. Страх Божий утрачиваем напрочь, вместо того чтобы жить по апостолу: «Не о себе только каждый заботься, но каждый и о других» (Флп.2:4). Неужели мы это навсегда утратили? Неужели Богом посланное испытание не поймем и не покаемся, возвращаясь и молясь в храмах Божиих? Ведь без Его воли и «волос с головы не упадет». Разве это не евангельское утверждение? Заболеть можно всякому и всюду. И в храме тоже. Апостол об этом предупреждает: «о недостойном причастии», но недостойнство от личного греха, а не от Чаши с Телом и Кровью Христовой, по слову «Се приступаю к Божественному причащению. Содетелю, да не опалишимя приобщением: Огнь боеси, недостойныяпопалаяй. Но убо очисти мя от всякия скверны». И еще: «Боготворящую Кровь ужаснися, человече, зря: Огнь бо есть... попали огнем невещественным грехи моя, и насытитися еже в Тебе наслажденния сподоби».

Разве не это вера наша? И разве ей не тысяча лет?

Было причастие. Был праздник. Было намного легче. Летала. Снова начала ходить пешком. Прогулки на природу, сосны, бутры и ложбины, чуть заметные тропки. Тишина. Волга. За ней Нижний в лучах восходящего солнца... Вдруг мысль: так ли ты была чиста в молодости, как это утро? Смирна и послушна?

До какого-то времени не могу себя упрекнуть, и мама была довольна и спокойна за меня. Но вдруг, откуда что взялось, сама не ожидала от себя. Мне было 17, познакомилась с парнем. Точнее он со мной познакомился. Дождался – вычислил, когда я выхожу из нижегородского авто-

буса, возвращаясь с учебы, и представился. Проводил до дома, до подъезда. Так продолжалось довольно долго: встречал, провожал. Однажды назначил свидание на вечернее время. Я дала согласие. Мама к тому времени насыщена была нелестных сведений о нем и была настороже. Мама наша чуткая.

Я стою перед зеркалом в прихожей, а она к двери подошла и говорит: «Не пуцу, только через мой труп!». «Ложись, мам, я перешагну...» Из своей комнаты выходит отец: «Нин, что здесь происходит?».

– Вот дочь наша может перешагнуть через меня и пойти на свидание.

Была пауза. Долгая. И мне было не стыдно. Это сейчас мне стыдно и больно.

Отец сказал тогда: «Отпусти, пусть идет». Он любил маму. И меня. Мама его слушалась. Со временем, вспоминая тот случай, я не раз думала, что, наверное, было бы лучше, если бы отец тогда поддержал маму и я не пошла на встречу. То была молодость и те эмоции и утраты не так болезненны, как нынешние.

Пройду еще по этой вот тропинке...

* * *

Не напрасно вспомнилось, однако, то далекое юное и коварно-жестокое «перешагнуть через маму», убежать на свидание. Просто так такое не проходит. Выйдет из глубины умно-сердечной. Слово-мысль оставляет след. Понять это не всегда скоро получается. Знаешь, что чем раньше, тем лучше. Но одно дело знать, другое – как на деле.

Понять и каяться – известная истина, но года проходят, а «понятия и знания» задвинуты на задворки ума и сердца, и руководят страсти. И как Господу Христу-Спасителю душу блуждающую обратить, образумить и спасти? Скорбями, болезнями и смертью близкого человека. Или всякой неустроенностью: все не так и из рук валится. А в природе все хорошо! Сосны, вода, густые заросли на острове. Красавица-сосна на обрыве с обнаженными причудливыми корнями. Как же их много, и земли под ними нет, опоры! А дерево держится и стоит прямо, хотя, кажется, должно упасть. Так бывает.

Бывали такие дни тягостные, не знала, куда деваться. Крик и ор несут светный, угрозы. Убегала к соседям. А потом извинения: тише воды, ниже травы. А я гонор свой выражала, вместо того чтобы осознать его болезнь и помогать. Кричал, чтоб я молилась о нем...

Оставил мне дом и собаку. Ну как оставил? Дом мне никак не может принадлежать юридически: наследники есть, близкие родные. Но они не только не возражают, а даже желают, чтобы я жила в доме. Собака – умница. Овчарка Грей. Я так привыкла к нему. Память о прошлых днях моей жизни, прожитых вместе с близким мне человеком, считавшим Грея членом семьи. Разговаривал с ним, как с человеком, а мне говорил: «Неужели ты не видишь, что Грейка все понимает?». Вспоминаю, наказывал: если что со мной случится, Грея не бросай. Вот я и не бросаю. Преодолеваю одиночество. Раньше для меня такого понятия не существовало вообще. Я любила тишину и уединение. Дорогой мой человек не раз подмечал: «Никто тебе не нужен». Но говорил он это с такой нежностью! А я при этом думала: какой добрый и любящий людей человек, а в церковь не ходит и у икон не молится. Навыка не было. Не дали навыка. Переживал за знакомых болящих. Говорил об этой напасти: за что люди страдают? А у меня не было стремления объяснить ему, хотя объяснение есть, и для христианина оно понятно. Но внутри меня сидела то ли спесь, то ли утонченная гордость, а, может, это была стеснительность. Он был старше меня и опыт жизненный у него налицо: трудолюбив, аккуратен, внимателен ко всем окружающим. Не было дня, чтобы утром с работы (он уходил рано) он мне не позвонил и не справился о моем самочувствии, барбосе и прочих бытовых пустяках.

Требователен был к себе, в первую очередь, и к окружающим. Пришлось мне как-то увидеть его рабочее место, я была удивлена чистоте и порядку – такой чистюля. Вот только когда болезненный выпад приключится, тогда беда для всех и для меня в первую очередь. А потом, повторяюсь, «помолись за меня».

Надо же, наконец, сказать, что для христианина в этом мире очевидно и что дает опору стоять твердо и верить. Во-первых, слова Христа: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин 16:33). Мы нынешние «скорби» не очень хотим. По-человечески это понятно: как можно хотеть скорби и болезни, человек же радоваться хочет. Радость в нем заложена. Он же в Раю начался. Даже если тот человек – только что превратившийся их обезьяны (став белой обезьяной, в которую Бог-Творец «вдунул душу живу»). Даже если. В Раю же это было. Поэтому радость в него заложена изначально. Но грех всему виной. И мы те, какими сами пожелали быть. Предупреждение было: «И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском... И заповедал... от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:15-17).

Апостолы много раз в своих «Деяниях» предостерегают. И святые отцы, древние и сравнительно современные – Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник.

Недавно зашла в храм, а там батюшка с амвона цитирует. Слышу знакомое. Читала я это, да забыла, он напомнил: «Некогда святые отцы Египетского скита пророчески беседовали о последнем роде. «Что сделали мы?» – говорили они. Один из них, великий авва Исхирион, отвечал: «Мы исполнили заповеди Божии». Спросили его: «Что сделают те, которые будут после нас?» «Они, – сказал авва, – примут (будут исполнять) делание вполонину против нас». Еще спросили его: «А что сделают те, которые будут после них?» Авва Исхирион отвечал: «Они отнюдь не будут иметь монашеского делания, но им попустятся скорби, и те из них, которые устоят, будут выше нас и отцов наших».

Вот истинное утешение Духа Святого для всех христиан, продолжил мысль батюшка. И этого утешения не следует забывать. Надежит спастись многими скорбями. Нужно освоиться с мыслью, что ныне воспитывают нас для жизни вечной не старцы, а многообразные скорби, поэтому всякой приходящей скорби нужно кланяться в ножки как старцу (или священнику, или духовнику) и с любовью лобызать ее (болезни, от Бога посланной) святую руку, нас благословляющую.

Так это же из «Отечника» Игнатия Брянчанинова, чуть не крикнула я. Забытое напомнили и укрепили. Дай, Господи, на подольше уверенности, от святых отцов полученной.

Но как ему-то передать? Скоро полгода как я печалюсь, а он, может, Там все уже узнал...